

Секция «История»

Судьба культурного наследия провинциальной усадьбы в первые годы после Октябрьского переворота. (На материалах Тамбовской губернии).

Милосердова Елена Игоревна

Студент

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Академия гуманитарного и социального образования, Тамбов, Россия

E-mail: ljalakitnew@mail.ru

Годы становления Советского государства стали пагубными для собиравшихся многие десятилетия усадебных художественных коллекций. Много ценностей из разорённых усадеб было расхищено местным населением. Из-за плохо поставленной охраны происходили постоянные утраты материалов из усадеб. Непрофессионально, особенно в первые годы, была организована работа по приёму имущества из национализируемых имений, вследствие чего безвозвратно погибло множество художественных ценностей. Пагубным были последствия дробления единых собраний, материалы из одной усадьбы направлялись и в Тамбов, и в Москву[5]. Однако, не смотря на сложность проблемы, отдельных полноценных исследований по провинциальным усадьбам в целом и по имениям Тамбовской губернии в частности практически нет. Это связано с тем, что проследить весь процесс изъятия ценностей сложно, поскольку документация по периоду частично утрачена, сохранившееся разрознено по архивам и внутри архивов по различным фондам. Война и февральская революция осложнили отношения между землевладельцами и крестьянами, готовыми к захвату помещичьих земель. Губернский и уездные комиссары Временного правительства пытались решить проблему прекращения усадебных погромов, разлившихся по Тамбовской губернии с марта 1917 года. К концу года в одном только Козловском уезде уничтожено 68 имений, но сведения разрознены и конкретной статистики по этой проблеме не существует[4]. Декрет о земле, принятый 26 октября 1917 года после октябрьского переворота, ликвидировал право землевладельцев на частную собственность и одновременно разрушил основание для существования дворянских усадеб, вызвав их гибель[3]. Главной в декрете была проблема земельного передела без учёта исторической и социально-культурной роли усадеб. Все тамбовские имения передавались волостным земельным комитетам, состоявшим в основном из выборных крестьян. Уровень их образования вряд ли позволял правильно оценивать значение усадебного наследия. Сотрудники земельных комитетов составляли описи усадеб, качество описей соответствовало уровню образования составителей. Конфискация земель в Тамбовской губернии осуществлялась с ноября 1917 по март 1918 года и сопровождалась погромами, хищениями и разрушением усадеб[1]. Опасность полного уничтожения усадеб в России способствовала появлению циркуляра «Ко всем земельным комитетам и местным советам» 18 февраля 1918 года, в котором впервые было громко заявлено об историческом значении усадеб и запрещении расхищения усадебного имущества. Но к этому времени было утрачено очень многое. К апрелю 1918 года в Тамбовской губернии были поставлены на учёт 1273 имения, но истинного положения дел эта статистика не раскрывала[4]. Погромы имений продолжались в течение всего года. Не учитывалась и утрата тех ценностей, которые наполняли усадебные дома. С 28 мая 1918 года вопросами сохранения и использования памятников исто-

рии и культуры в стране стал ведать новый Музейный отдел Наркомпроса[3]. В июле 1918 года Наркомпрос выдал охранную грамоту имению «Караул», удостоверявшую, что «художественно-исторические ценности, как-то: картины, книги, старинная мебель и проч., собранные умершим профессором Б.Н. Чичериным и ныне хранящиеся в доме имения Чичериных при деревне Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии, равно как и самый дом старинной архитектуры – находятся под особой охраной Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины на правах народного достояния и реквизиции не подлежат. . . ». Это один из немногих случаев такого особого отношения. Осенью 1918 года губернские власти попытались приступить к учёту ценностей в бывших имениях, но к этому времени некоторых усадеб просто не существовало. С осени 1918 года спасением ценностей из тамбовских имений занимаются эмиссары Музейного отдела Наркомпроса, которые специально для этого приезжали из Москвы. В имениях Строгановых (Знаменка), Ю.А. Зилоти (Знаменское Козловского уезда) работал эмиссар Е.В. Сахаров. Усадьбы Караул, Воронцовку, Мара обследовали А.В. Лебедев, Н.Н. Лебедев и А.В. Чичерин [2]. Описанием имения Бенкендорфов в Сосновке занимался эмиссар А.А. Семёнов. Эмиссарами были подготовлены описи ценностей, наиболее интересные архивы, библиотеки, живописные полотна, коллекции были вывезены в Москву, частично переданы в Народный музей им. Ленина (Тамбов). Труды эмиссаров продолжались и после 1919 года, но они приобрели дополнительные направления. На территории бывших усадеб теперь располагались отделения совхозов, испытывавшие острый квартирный кризис. Опечатанные в усадебных домах ценности не позволяли использовать помещения под жильё, и в 20-х годах комиссариат по земледелию готов был даже предоставить транспорт для вывоза ценностей, но у музейных отделов по охране памятников искусства не хватало средств и технических возможностей для размещения ценностей. Иногда владельцы ради сохранения исторических ценностей сами предлагали Музейному отделу вывезти их из имения. По просьбе Е.В. Сабуровой (с. Александровка Тамбовского уезда) были сохранены и вывезены в Москву архивы А.А. Сабурова, писателя В.А. Сологуба и дипломата П.А. Сабурова[4]. В некоторых усадьбах бывшие владельцы сами охраняли изъятые ценности, проживая в выделенной части дома. Конфискованные тамбовские имения обретали новых владельцев. Ими становились советские хозяйства. Живой и мёртвый инвентарь, предметы домашней обстановки (в том числе и сохранившиеся художественные ценности) переходили в пользование земельных отделов, отдельные предметы (чаще всего мебель) передавались для нужд местных учреждений: клубов, школ и т.д. Волостные советы, состоявшие из сельских активистов и призванные содействовать спасению и учёту «предметов старины», не могли оценить значение усадебной архитектуры, памятников искусства, библиотек и архивов. Дворянская культура была для них непонятной и чуждой. Сельчан интересовали лишь те ценности, которым можно было найти конкретное применение в крестьянском хозяйстве. Увещевания о сохранении усадебных ценностей оказывались бесполезными, поскольку крестьяне, поставленные в тяжелейшие условия послереволюционных лет, были озабочены физическим выживанием. Таким образом, ситуация сложившаяся в Тамбовской губернии в годы становления Советской власти была крайне сложной для сохранения культурных ценностей и коллекций дворянских усадеб.

Источники и литература

Конференция «Ломоносов 2013»

1. Климкова М.А. "Край отеческий...". История усадьбы Боратынских. СПб., 2006.
2. Кончин Е.В. Опломбированный вагон из Тамбова. Тамбов, 2007.
3. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917-1941 гг. //Музей и власть. М., 1991. С. 19 - 173.
4. Кученкова В.А. Усадьбы Тамбовской губернии. Тамбов, 2008.
5. Махрачев С.Ф. История музейного дела в Тамбовской области. Тамбов 2005.